

Шпакова Р.Н.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении как целевой показатель в национальных проектах и региональных стратегиях социально-экономического развития

Шпакова Раиса Николаевна — кандидат географических наук, доцент, кафедра регионального управления и национальной политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) (МГИМО), Москва, РФ.

E-mail: aglaonema2012@gmail.com

SPIN-код: РИНЦ: [1931-4127](https://elibrary.ru/1931-4127)

ORCID ID: [0000-0002-9916-0113](https://orcid.org/0000-0002-9916-0113)

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению особенностей применения такого целевого показателя, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении, в условиях реализации в Российской Федерации национальных проектов. Положения региональных стратегий социально-экономического развития, связанные с определением стратегических целей в сфере демографического развития, проверялись на соответствие национальным целям, установленным указами Президента Российской Федерации; исследовались проблемы закрепления национальных проектов в российском законодательстве, неравенства исходных условий в регионах; производился сравнительный анализ целевых характеристик национальных проектов и региональных стратегий по отдельным параметрам. На примере стратегий субъектов Российской Федерации из состава Центрального федерального округа (за исключением г. Москвы) установлено, что из-за отсутствия порядка согласования целей национальных проектов и региональных стратегий социально-экономического развития отсутствует какая-либо последовательная реакция региональных стратегий в плане восприятия национальных целей. Имеет место широкий диапазон подходов к приведению стратегических целей регионального демографического развития в соответствие с национальными целями: от прямого включения национальных целей в систему регионального стратегического планирования до полного отсутствия какой-либо реакции. Установлено, что при планировании на длительную (10–15 лет) перспективу региональные стратегии незначительно уступают национальным проектам в амбициозности целей. В то же время стратегические цели в региональных стратегиях отличаются в целом большей реалистичностью. Признано необходимым закрепление национальных проектов в законодательстве о стратегическом планировании. При этом национальные проекты должны играть роль каркаса целеполагания с последующим расширением и конкретизацией в основных документах стратегического планирования. Поддержано также мнение, высказанное в науке и экспертном сообществе, о необходимости дифференциации целевых показателей ожидаемой продолжительности жизни при рождении в зависимости от особенностей региона. Проектные задания в таком случае должны выражаться в виде регионального целевого прироста относительно базисного уровня и назначаться таким образом, чтобы к 2030 году выйти на величину 78 лет в среднем по Российской Федерации.

Ключевые слова

Социально-экономическое развитие, национальные проекты, стратегия, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, стратегическая цель, регион.

DOI: 10.24412/2070-1381-2021-84-165-186

Shpakova R.N.

Life Expectancy at Birth as a Target in National Projects and Regional Socio-Economic Development Strategies

Raisa N. Shpakova — PhD, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations at the Russian Ministry of Foreign Affairs (MGIMO), Moscow, Russian Federation.
E-mail: aglaonema2012@gmail.com
ORCID ID: [0000-0002-9916-0113](https://orcid.org/0000-0002-9916-0113)

Abstract

The article is devoted to the features of applying such a target indicator as life expectancy at birth in the context of implementing national projects in the Russian Federation. The provisions of regional socio-economic development strategies related to the definition of strategic goals in the field of demographic development were checked for compliance with national goals established by presidential decrees of the Russian Federation. The problems of fixing national projects in Russian legislation, inequality of initial conditions in the regions were studied, and a comparative analysis of the target characteristics of national projects and regional strategies was made for certain parameters. On the example of strategies of the Russian Federation subjects from the Central Federal district (with the exception of Moscow), it is established that due to the lack of a procedure for coordinating the goals of national projects and regional strategies for socio-economic development, there is no consistent reaction of regional strategies in terms of national goals perception. There is a wide range of approaches to bringing the strategic goals of regional demographic development in line with national goals: from the direct inclusion of national goals in the regional strategic planning system to the complete absence of any response.

Keywords

Socio-economic development, national project, strategy, life expectancy at birth, strategic target, region.

DOI: 10.24412/2070-1381-2021-84-165-186

Введение

Вряд ли можно оспорить утверждение, что отсутствие четкого целеполагания, обоснованного определения стратегических приоритетов развития и их ресурсного обеспечения тормозит процесс перехода страны к устойчивому развитию в рамках инновационной модели, ставит под вопрос решение задач скоординированного взаимодействия государства, бизнеса и общества [Шпакова 2019, 311]. В условиях федеративного устройства страны не менее важно строгое согласование между различными уровнями стратегического планирования целевых показателей, системы задач и направленных на их решение механизмов, в отсутствие которого возникают риски нерационального и неэффективного расходования как федеральных, так и региональных ресурсов, направляемых на решение масштабных задач социально-экономического развития.

Президентом Российской Федерации в рамках национальных проектов поставлены достаточно амбициозные цели в сфере социально-экономического развития страны. Очевидно, что данная инициатива не реализуема без деятельного участия

регионов, и, с точки зрения организационного оформления, предполагает как включение целевых индикаторов национальных проектов в систему государственных программ субъектов Российской Федерации, так и согласование с действующими или вновь подготовленными стратегиями социально-экономического развития регионов [Иванов, Бухвальд 2019, 37]. С момента начала работ по организации выполнения поставленных в национальных проектах задач прошло уже достаточно времени, чтобы оценить, насколько указанное согласование нашло свое отражение в региональных документах стратегического планирования. Кроме того, интерес, на наш взгляд, представляет сравнение таких параметров национальных проектов, как степень амбициозности, реалистичность поставленных целей, с аналогичными параметрами региональных стратегий.

В силу ограниченных рамок одной статьи предметом рассмотрения являются обозначенные выше аспекты только по одной из стратегических целей — росту ожидаемой продолжительности жизни при рождении.

Теоретические основы

В целом в науке отмечается, что рациональное согласование стратегических целей развития центра и регионов, включая цели демографического развития, является сложной задачей, методы решения которой в значительной степени определяются особенностями политико-административного устройства страны. Так, некоторые ученые в данном аспекте приводят пример ФРГ, где согласование целей и принципов федерального и регионального уровня осуществляется в процессе достаточно трудоемких взаимных консультаций, нисходящих и восходящих процедур, объединяемых понятием «принцип противотока» [Albrechts et al. 2003]. Возможен и более простой подход «снизу вверх», согласно которому региональная политика, фокусируясь на неэндогенном росте и мобилизуя все ресурсы региона, формирует свою стратегию при возможной поддержке центра, стратегия же центра, в значительной степени, разрабатывается на основе региональных стратегий [Šabić, Vujadinović 2017].

Другие ученые на примере Турецкой Республики анализируют модель взаимосвязи между национальным и региональным стратегическим планированием (в значительной степени схожую с российской), одним из важнейших факторов которого является существенная неравномерность уровня развития регионов, которую пытаются снизить мерами, предпринимаемыми центральным правительством [Temizel, Göksu 2013].

Среди встречающихся в разных странах проблем увязки стратегических целей развития центра и регионов в науке отмечают также слабую нормативно-правовую основу, недостаточное участие негосударственных субъектов в данном процессе, не всегда адекватный уровень управления в регионах [Morita et al. 2019].

В статистике ожидаемая продолжительность жизни при рождении определяется как «число лет, которое в среднем предстояло бы прожить одному человеку из поколения родившихся в данном году при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения уровень смертности в каждом возрасте останется таким, как в год, для которого вычислен показатель»¹. Данная характеристика есть интегральный показатель, определяющий общественное здоровье [Рыбаковский и др. 2017].

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (Life expectancy at birth) является одним из ключевых показателей, по которому определяется индекс человеческого развития² — интегральный индикатор, воплощающий в себе «прогресс человечества, объединяя в одном показателе информацию о здоровье, образовании и доходах людей»³. Кроме того, сама по себе ожидаемая продолжительности жизни при рождении является не только отражением здоровья общества: исследования показывают ее устойчивую связь с благосостоянием населения [Isaacs, Choudhury 2017], экономическими показателями и уровнем образования [Vilas et al. 2014]. Поэтому не случайно, что данный показатель, в силу своей информативности, широко применяется как в международном, так и в российском стратегическом планировании социально-экономического развития.

Надо сказать, что данный целевой показатель не является новым для национальных проектов. Правда, в приоритетных национальных проектах 2005 года⁴ он не фигурировал, но положительная динамика ожидаемой продолжительности жизни при

¹ Об утверждении методик расчета показателей для оперативной оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: приказ Федеральной службы государственной статистики от 5 июля 2013 года № 261 (с изменениями на 30 декабря 2019 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499033661> (дата обращения: 19.11.2020).

² Latest Human Development Index Ranking // UNDP [Электронный ресурс]. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/latest-human-development-index-ranking> (дата обращения: 13.11.2020).

³ Индексы и индикаторы человеческого развития. Обновленные статистические данные 2018 // UNDP [Электронный ресурс]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (дата обращения: 12.11.2020).

⁴ Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на встрече с членами Правительства, руководством Федерального Собрания и членами президиума Государственного совета 5 сентября 2005 года // Президент Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23157> (дата обращения: 14.11.2020).

рождении уже звучала в выступлениях официальных лиц как обстоятельство, свидетельствующее об успехе реализации социальных программ в рамках этих проектов⁵.

В 2007 году показатель уже непосредственно как стратегическая цель появляется в Концепции демографической политики⁶, согласно которой ожидаемая продолжительность жизни при рождении должна была достичь к 2015 году 70 лет, а к 2025 году — 75 лет, затем в 2008 году он включен в число демографических индикаторов в Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года⁷, правда, не в виде абсолютных значений, а в виде прироста относительно базисного уровня 2007 года.

Возвращаясь к национальным проектам, отметим, что в Указе Президента Российской Федерации № 606 от 7 мая 2012 года⁸ (из серии так называемых «майских» указов, предусматривавших комплекс мероприятий государственной социальной политики на 6–8-летнюю перспективу и имевших характер национальных проектов) ставилась задача увеличить ожидаемую продолжительность жизни при рождении к 2018 году до 74 лет.

Не является рассматриваемый показатель новым и для регионального стратегического планирования. Исследование посвященных демографической политике разделов стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, проведенное в 2018 году А.В. Смирновым и У.В. Лыткиной, показало, что в подавляющем большинстве случаев (59 из 85) региональные стратегии содержат показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении в качестве целевых индикаторов [Смирнов, Лыткина 2018, 28]. Важно при этом отметить, что стратегии эти принимались, в большинстве своем, еще в 2009–2012 годах.

⁵ См., например, Средняя продолжительность жизни увеличилась более чем на один год // ИТАР-ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ami-tass.ru/article/60894.html> (дата обращения: 12.11.2020); Медведев Д.А. Главный результат майских указов — прирост населения (выступление 10 сентября 2016 года) // Единая Россия [Электронный ресурс]. URL: <https://er.ru/activity/news/glavnyj-rezultat-majskij-ukazov-prirost-naseleniya> (дата обращения: 13.11.2020) и др.

⁶ Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (с изменениями на 1 июля 2014 года): указ Президента Российской Федерации № 1351 от 9 октября 2007 года // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902064587> (дата обращения: 25.11.2020).

⁷ О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (вместе с Концепцией социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года): распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р (ред. от 28 сентября 2018 года) (раздел «Этапы инновационного развития») // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 25.11.2020).

⁸ О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации: указ президента российской Федерации № 606 от 7 мая 2012 года // Президент Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201205070019.pdf> (дата обращения: 15.10.2020).

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении рекомендована к включению в стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации в число показателей по направлению «Развитие человеческого капитала и социальной сферы» Методическими рекомендациями по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации⁹.

В настоящее время в Российской Федерации осуществляется реализация мероприятий, направленных на достижение национальных целей развития, определенных Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в Указе № 204 от 7 мая 2018 года¹⁰ (далее — Указ 2018 года), вышедшем в новой редакции в июле 2020 года¹¹ (далее — Указ 2020 года). Масштабные стратегические инициативы, предпринятые в тех отраслях социально-экономического развития, которые, большей частью, до принятия этих решений являлись приоритетами регионального управления, например, в сфере здравоохранения и демографического развития, неизбежно поставили вопросы о согласовании, в самом широком смысле, национальных проектов и региональной социальной и экономической политики.

В целом в научной среде уделено достаточно большое внимание этой проблеме. Так, например, Е.А. Яковлева и Е.В. Титова отмечают, что переход к системе проектного управления на федеральном и региональном уровнях, обозначенный в ходе разработки планов по реализации национальных проектов, «сопровождается поиском моделей, которые бы отражали специфику каждого субъекта Российской Федерации» [Яковлева, Титова 2020]. О.Б. Иванов и Е.М. Бухвальд выделяют среди регионов два типа по характеру восприятия национальных проектов: к первому типу относятся регионы, полностью воспроизводящие национальные проекты (но, разумеется, с учетом региональной специфики), а ко второму — регионы, реализующие региональные проекты, в той или иной степени соответствующие федеральным национальным проектам [Иванов, Бухвальд 2019, 45].

⁹ Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации (с изменениями на 7 сентября 2018 года): приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 23 марта 2017 года № 132 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/456054578> (дата обращения: 17.11.2020).

¹⁰ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 // Президент Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1> (дата обращения: 15.10.2020).

¹¹ О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 // Президент Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 15.10.2020).

Кроме того, в науке акцентируется внимание на соотношении национальных проектов и региональных государственных программ [Магомедов, Камилов 2019; Чернова 2019], а также на сопоставлении государственных и региональных задач в рамках реализации отдельных национальных проектов [Шигильчева 2019; Григорьева, Демкина 2019].

Ряд проблем определения целевых параметров национальных проектов был озвучен представителями экспертного сообщества. Так, специалисты Счетной палаты Российской Федерации в числе выявленных недостатков и рисков реализации национальных проектов отмечают, что «целевые показатели устанавливались без учета реальных возможностей субъектов, при отсутствии прозрачной и приемлемой методики детализации значений целевых показателей для регионов. Это может привести либо к неисполнению показателей, либо к искажению»¹². «Осуществить корректировку документов стратегического планирования субъектов Российской Федерации в целях их интеграции с национальными, федеральными и региональными проектами» — рекомендовали участники семинара-совещания руководителей аналитических служб аппаратов законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации «Обеспечение реализации национальных проектов на региональном уровне»¹³.

Одним из направлений научных исследований является рассмотрение вопроса о месте национальных проектов в системе стратегического планирования в связи с тем, что действующее федеральное законодательство не содержит указания на национальные проекты как документы стратегического планирования [Гродская, Валяева 2019]. Концептуальные проблемы развертывания системы государственного стратегического планирования в Российской Федерации, включая отсутствие нормативного закрепления национальных проектов и отсутствие четкой взаимосвязи документов стратегического планирования различных уровней, поднимает в своей работе Ю.В. Евстафьева [Евстафьева 2019].

¹² Галина Изотова: Большинство проблем национальных проектов пока не решены // Счетная палата Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/audit-national/galina-izotova-bolshinstvo-problem-natsionalnykh-proektov-poka-ne-resheny> (дата обращения: 15.10.2020).

¹³ Обеспечение реализации национальных проектов на региональном уровне (материалы семинара-совещания руководителей аналитических служб аппаратов законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) // Совет Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/eoqAP6En2AenIjBWVRsAny4HaBL7nqDT.pdf> (дата обращения: 13.11.2020).

Детальный анализ последних стратегических документов федерального уровня по демографическому направлению выполнен В.В. Елизаровым [Елизаров 2018]. В результате автор пришел, в частности, к выводу о том, что необходимо дифференцировать целевые показатели по регионам и более реалистично подходить к установлению целевых показателей по годам.

В то же время вопросам соотношения национальных целей и целей, установленных в региональных стратегиях, сравнительному анализу национальных проектов и региональных стратегий по основным параметрам уделяется недостаточно внимания.

Материалы и методы исследования

В качестве объекта исследования выбраны 17 действующих стратегий социально-экономического развития регионов, входящих в Центральный федеральный округ, за исключением города Москвы. Кроме того, в массив исходных документов включен проект Стратегии социально-экономического развития Курской области до 2030 года¹⁴, на момент написания статьи еще не утвержденный.

Из принятых к рассмотрению семь стратегий являются относительно новыми: вступили в силу в течение 2018–2019 годов. Остальные принимались в период с 2006 по 2016 годы. Горизонт планирования большинства стратегий — 2030–2035 годы. У семи стратегий горизонт планирования — 2020–2025 годы.

В ходе исследования применялся контент-анализ, которому, в соответствии с целями настоящей статьи, подлежали разделы стратегий социально-экономического развития регионов, посвященные демографическому развитию. Затем методом сравнительного анализа определялось соответствие целей, установленных в региональных стратегиях, национальным целям, а также плановых показателей ожидаемой продолжительности жизни фактическим. Кроме того, в отдельных случаях для анализа применялся метод толкования нормативных установлений, статистический и другие.

¹⁴ Проект стратегии социально-экономического развития Курской области до 2030 года // Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_subektov_rf/proekty_strategiy_subektov_rf/proekt_strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_kurskoy_oblasti_do_2030_goda.html (дата обращения: 20.11.2020).

Не всегда целевые показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении в региональных стратегиях в плановой раскладке по годам намечены на 2024 или 2030 годы. В таких случаях целевые показатели для этих лет определялись методом интерполяции между показателями более раннего и более позднего года или методом линейной экстраполяции, исходя из изменения показателя за предшествующие пять лет.

Обсуждение результатов

Как уже упоминалось выше, подавляющее большинство стратегий социально-экономического развития регионов Российской Федерации содержат в составе стратегических целей рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении, и закономерно возникает вопрос, в какой мере соотносятся цели национальных проектов и региональных стратегий. При этом необходимо отметить, что обеспечение согласованности и сбалансированности документов стратегического планирования, разрабатываемых на федеральном уровне и на уровне субъектов Российской Федерации, — требование законодательства, и, согласно п. 7 ст. 4 Федерального закона «О стратегическом планировании»¹⁵ (далее — Закон), это обеспечение относится к компетенции органов государственной власти Российской Федерации. В рамках этого процесса требуется согласование целей и показателей их достижения, задач и способов их решения.

С одной стороны, данное требование закона однозначно ориентирует на необходимость увязки показателей достижения целей и решения задач, обозначенных в национальных проектах и в региональных стратегиях социально-экономического развития, поскольку национальные проекты, безусловно, имеют все признаки документов стратегического планирования. С другой стороны, перечень документов стратегического планирования, приведенный в п. 2 ст. 11 Закона, является закрытым, и при этом никаких национальных проектов в этом перечне не содержится, из чего следует вывод о том, что формально нет необходимости в приведении в соответствие целей и задач национальных проектов и других документов стратегического планирования.

Есть еще ст. 15 Закона, констатирующая возможность издания указов Президента Российской Федерации, определяющих стратегические цели и приоритеты, направления достижения целей и решения важнейших задач в сфере социально-экономического развития Российской Федерации. Такие указы издаются во исполнение ежегодного послания Президента, которое отнесено к числу документов стратегического планирования (глава 4 Закона).

¹⁵ О стратегическом планировании: федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 13.11.2020).

В то же время, стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, согласно п. 2 ст. 32 Закона, «разрабатывается на основе законов субъекта Российской Федерации, актов высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) и органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации с учетом других документов стратегического планирования субъекта Российской Федерации». Закон, как видим, вообще не требует, чтобы в основу разработки региональной стратегии брались какие-либо документы стратегического планирования федерального уровня. Требуется только, чтобы приоритеты, цели и задачи, устанавливаемые в региональной стратегии, были согласованы с приоритетами и целями социально-экономического развития Российской Федерации (п. 1 ст. 32 Закона). Не уточняется, в каком документе (документах) стратегического планирования должны быть сформулированы приоритеты и цели социально-экономического развития Российской Федерации. И именно поэтому, возможно, эта норма в сочетании с вышеупомянутой нормой ст. 15 Закона является той нормой, которая требует увязывать цели и приоритеты региональных стратегий социально-экономического развития и цели и приоритеты национальных проектов, если последние расценивать как цели и приоритеты социально-экономического развития Российской Федерации, отвлекаясь от их нормативно-правового оформления.

Задавая в таком самом общем виде необходимость приведения целей и приоритетов, указанных в региональных стратегиях, в соответствие с целями и приоритетами социально-экономического развития страны, Закон не содержит механизма согласования, что представляется существенной недоработкой. Необходимо отметить, что опыт реализации национальных проектов уже имелся к моменту разработки и вступления в силу Закона (2014 год), и проблема согласования должна была бы возникнуть и потребовать своего нормативно-правового решения.

Полагаем, что вопрос о нормативном закреплении национальных проектов в системе национального стратегического планирования должен быть решен. Если говорить о модели такого закрепления, то О.Б. Иванов и Е.М. Бухвальд, задаваясь данным вопросом, выделили три варианта понимания национальных проектов в данном аспекте: как альтернативы всем иным документам стратегического планирования федерального и регионального уровня; как определенного каркаса целеполагания, подлежащего дальнейшему расширению и конкретизации в основных документах стратегического планирования; наконец, как новой формы структуризации

государственных программ по приоритетным направлениям хозяйственного и социального развития страны [Иванов, Бухвальд 2019, 39]. В качестве наиболее приемлемого представляется второй вариант, не предполагающий существенной трансформации (чтобы не сказать — «ломки») существующей, с таким трудом созданной, системы государственного стратегического планирования.

Прежде чем перейти к рассмотрению ситуации с отражением целевых установок национальных проектов в стратегиях социально-экономического развития регионов Российской Федерации по такому показателю, как рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении, необходимо отметить, что к моменту вступления в силу Указа 2018 года, в котором была поставлена цель достичь к 2024 году ожидаемой продолжительности жизни при рождении в 78 лет, регионы подошли с различными исходными показателями (Рисунок 1). Разница в ожидаемой продолжительности жизни при рождении наиболее, в этом смысле, передового и наиболее отстающего региона составляет более 3 лет. Несколько выходя за рамки выбранного объекта исследования, отметим, что в целом по Российской Федерации эта разность будет уже более 5 лет (минимум в Чукотском автономном округе — 66,10, максимум в Республике Дагестан — 81,59).

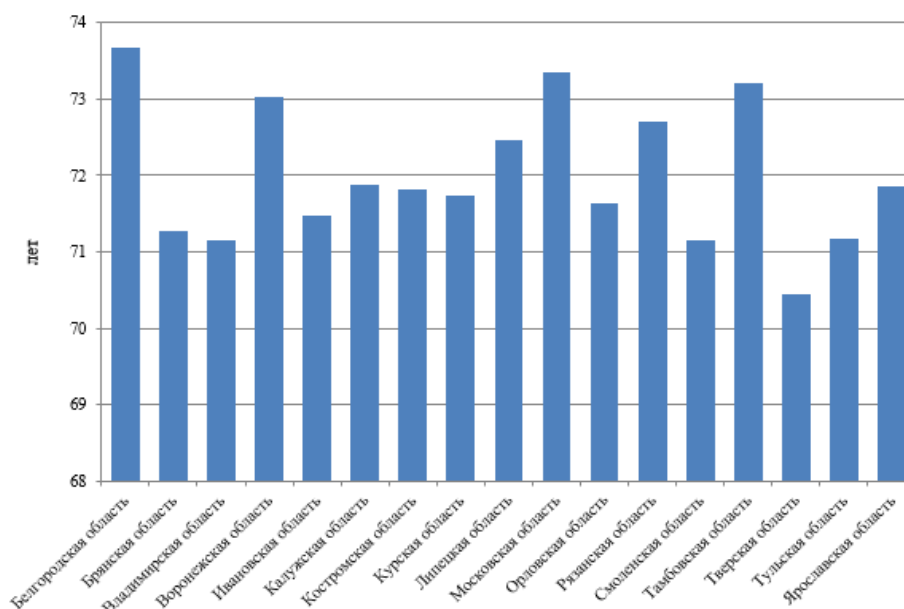

Рисунок 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении по состоянию на 2017 год¹⁶

¹⁶ Составлено автором по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. С. 79 // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1dJJCOvT/Region_Pokaz_2019.pdf (дата обращения: 13.11.2020).

Если такие регионы, как Белгородская, Московская, Тамбовская области, близки к национальной цели в 78 лет, то достижение ее в Тверской, Владимирской, Смоленской и ряде других областей в пределах горизонта планирования национальных проектов вызывает серьезные сомнения. Таким образом, установление для всех регионов единой стратегической цели представляется не вполне оправданным. Перенос срока достижения стратегической цели на 2030 год смягчает проблему, но не устраняет ее. На данное обстоятельство применительно к национальным проектам в целом уже обращалось внимание как в экспертном сообществе¹⁷, так и в науке, и представляется целесообразным поддержать высказанные предложения о необходимости дифференцировать целевые показатели в зависимости от особенностей региона [Елизаров 2018].

Переходя к рассмотрению ситуации с отражением целевых установок национальных проектов в стратегиях социально-экономического развития регионов по такому показателю, как рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении, отметим, что данный показатель используется при определении приоритетов в сфере демографического развития в стратегиях всех регионов Центрального федерального округа, за исключением Стратегии социально-экономического развития Тверской области до 2030 года¹⁸.

Все стратегии, принятые к рассмотрению, можно разделить на две группы:

- 1) стратегии, сохраняющиеся в настоящее время в той редакции, которая действовала до вступления в силу Указа 2018 года: 5 стратегий, одна из которых не содержит такого показателя, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении;
- 2) скорректированные или вновь принятые после вступления в силу Указа 2018 года: 12 действующих стратегий и 1 проект стратегии.

¹⁷ См., например: Национальные проекты и регионы: главные вопросы в начале пути // Росконгресс [Электронный ресурс]. URL: <https://roscongress.org/news/natsionalnye-proekty-i-regiony-glavnye-voprosy-v-nachale-puti/> (дата обращения: 13.11.2020); Обеспечение реализации национальных проектов на региональном уровне (материалы семинара-совещания руководителей аналитических служб аппаратов законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) // Совет Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/eqqAP6En2AenIjBWVRsAny4HaBL7nqDT.pdf> (дата обращения: 13.11.2020).

¹⁸ О Стратегии социально-экономического развития Тверской области на период до 2030 года: распоряжение Правительства Тверской области от 24 сентября 2013 года № 475-рп // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/430628871> (дата обращения: 24.10.2020).

Согласно документам стратегического планирования регионов, входящих в первую группу, ожидаемая продолжительность жизни при рождении должна составить к 2024 году, в среднем, 74,3 года с разбросом значений по регионам от 73,3 года (Стратегия Костромской области — 2025¹⁹) до 74,9 года (Стратегия Владимирской области — 2030, инновационный сценарий²⁰). Как видим, эти значения существенно уступают целевому показателю, намеченному на 2024 год в Указе 2018 года. К 2030 году среднее значение целевых показателей ожидаемой продолжительности жизни при рождении в указанных документах составляет 76,6 года, что уже всего на 1,4 года ниже целевого показателя согласно Указу 2020 года. С учетом того, что эти стратегии разрабатывались и принимались еще в 2007–2015 годах, можно считать, что по степени амбициозности цели, поставленные в стратегиях социально-экономического развития по такому показателю, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении, мало уступают национальной цели. Конечно, данные оценки получены, большей частью, с помощью линейной экстраполяции на достаточно длительный (6–10 лет) период, тем не менее, они отражают амбициозность запланированных в стратегиях темпов прироста ожидаемой продолжительности жизни при рождении.

Сведения о целевых показателях ожидаемой продолжительности жизни при рождении в стратегиях второй группы приведены в Таблице 1. В случае разработки в стратегии различных вариантов развития к расчету принималось значение ожидаемой продолжительности жизни при рождении в соответствии с целевым сценарием.

¹⁹ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Костромской области на период до 2025 года (с изменениями на 7 августа 2017 года): распоряжение Администрации Костромской области от 27 августа 2013 года № 189-ра // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/430638345> (дата обращения: 28.09.2020).

²⁰ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Владимирской области до 2030 года (с изменениями на 21 сентября 2018 года): указ Губернатора Владимирской области от 2 июня 2009 года № 10 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/965014297> (дата обращения: 29.09.2020).

Таблица 1. Сведения о целевых показателях ожидаемой продолжительности жизни при рождении, установленных в стратегиях, подвергшихся корректировкам после вступления в силу решений о реализации национальных проектов²¹

Наименование субъекта Российской Федерации	Дата принятия или дата последней корректировки региональной стратегии	Целевой показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении на 2024 год	Целевой показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении на 2030 год
1	2	3	4
Белгородская область	27 июля 2020 года	77,7	81,2
Брянская область	26 августа 2019 года	76,8	80,0
Воронежская область	23 декабря 2019 года	78,0	80,0
Калужская область	29 января 2020 года	74,2	78,8
Курская область (проект)		76,0	77,0
Липецкая область	29 октября 2018 года	75,4	78,3
Московская область	25 августа 2020 года	77,9	80,9
Орловская область	21 декабря 2018 года	73,2	76,6
Рязанская область	25 декабря 2018 года	77,5	80,0
Смоленская область	19 мая 2020 года	74,0	76,4
Тамбовская область	4 июня 2018 года	75,3	80,0
Тульская область	28 декабря 2018 года	76,8	82,1
Ярославская область	10 сентября 2020 года	74,5	75,7
Среднее значение		75,9	79,0

Средняя по регионам ожидаемая продолжительность жизни при рождении, определенная в качестве целевого показателя на 2024 год, составляет 75,9 года при минимальном значении 74,0 года (Стратегия Смоленской области — 2030²²) и максимальном 77,9 года (Стратегия Московской области — 2030²³). Те же показатели для 2030 года — средняя 79,0 года, минимальная 75,7 года (Стратегия

²¹ Составлено автором на основании сведений, приведенных в региональных стратегиях социально-экономического развития.

²² Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Смоленской области до 2030 года (с изменениями на 19 мая 2020 года): постановление Администрации Смоленской области от 29 декабря 2018 года № 981 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/553122332> (дата обращения: 14.11.2020).

²³ О Стратегии социально-экономического развития Московской области на период до 2030 года (с изменениями на 25 августа 2020 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/552209785> (дата обращения: 13.11.2020).

Ярославской области — 2025²⁴) и максимальная 82,1 года (Основные направления действий Правительства Тульской области — 2024²⁵).

В стратегиях регионов, принятых или скорректированных после Указа 2018 года, но до выхода Указа 2020 года, в семи случаях в качестве целевой установки принята ожидаемая продолжительность жизни при рождении, равная 80 годам и более (Стратегия Белгородской области — 2025²⁶, Стратегия Брянской области — 2025²⁷, Стратегия Воронежской области — 2035²⁸, Стратегия Московской области — 2030, Стратегия Рязанской области — 2030²⁹, Стратегия Тамбовская области — 2035³⁰, Основные направления деятельности правительства Тульской области на период до 2024). В 6 стратегиях (Стратегия Владимирской области — 2030, Стратегия Калужской области — 2030³¹, проект Стратегии Курской области — 2030, Стратегия

²⁴ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ярославской области до 2025 года (с изменениями на 10 сентября 2020 года): постановление Правительства Ярославской области от 6 марта 2014 года № 188-П // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/412703993> (дата обращения: 13.11.2020).

²⁵ Об утверждении Основных направлений деятельности правительства Тульской области на период до 2024 года (с изменениями на 28 декабря 2018 года): указ Губернатора Тульской области от 11 июля 2016 года № 102 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/438981377> (дата обращения: 13.11.2020).

²⁶ Об утверждении Стратегии Белгородской области на период до 2025 года (с изменениями на 27 июля 2020 года): постановление Правительства Белгородской области от 25 января 2010 года № 27-пп // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/428596289> (дата обращения: 13.11.2020).

²⁷ Об утверждении стратегии социально-экономического развития Брянской области на период до 2025 года: постановление Администрации Брянской области от 20 июня 2008 года № 604 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/974011062> (дата обращения: 13.11.2020).

²⁸ О стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года (в ред. от 23 декабря 2019 года): закон Воронежской области от 17 декабря 2018 года № 168-ОЗ // Департамент экономического развития Воронежской области [Электронный ресурс]. URL: [https://econom.govrn.ru/content/imagdoc/files/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%20%D0%BE%20%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F-%202035\(2\).pdf](https://econom.govrn.ru/content/imagdoc/files/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%20%D0%BE%20%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F-%202035(2).pdf) (дата обращения: 13.11.2020).

²⁹ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Рязанской области на период до 2030 года: постановление Правительства Рязанской области от 25 декабря 2018 года № 418 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550304077> (дата обращения: 13.11.2020).

³⁰ О Стратегии социально-экономического развития Тамбовской области до 2035 года: закон Тамбовской области от 4 июня 2018 года № 246-З // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550113760> (дата обращения: 13.11.2020).

³¹ О Стратегии социально-экономического развития Калужской области до 2030 года (с изменениями на 29 января 2020 года): постановление Правительства Калужской области от 29 июня 2009 года № 250 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/972215857> (дата обращения: 13.11.2020).

Липецкой области — 2024 года³², Стратегия Орловской области — 2035³³ и Стратегия Смоленской области) целевые показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении к 2030 году находятся в диапазоне значений от 76,1 до 78,8 года, что свидетельствует о том, что в этих стратегиях стратегическая цель, поставленная в Указе 2018 года, не учтена. Еще раз следует напомнить, что в тех случаях, когда горизонт планирования стратегии не достигает 2030 года, целевой показатель на этот год определялся методом линейной экстраполяции.

Три стратегии были приняты или последний раз скорректированы после издания Указа 2020 года: Стратегия Белгородской области — 2025, стратегии Московской и Ярославской областей. При этом целевые показатели ожидаемой продолжительности жизни на 2030 год ни в одной из них не приближены к целевому показателю, озвученному в Указе 2020 года. Целевые показатели в стратегиях Белгородской и Московской областей — 81,2 и 80,9 года соответственно — близки, с определенным «перевыполнением», к национальной цели в первоначальной редакции (80 лет), а в стратегии Ярославской области целевой показатель в 75,7 года не только существенно ниже даже скорректированного в 2020 году целевого показателя (78 лет), но и является наиболее низким из всех среди областей Центрального федерального округа.

Таким образом, очевидно, что не существует какого-либо единого подхода в увязывании целевых показателей стратегий социально-экономического развития регионов и национальных проектов. Из 18 стратегий и проектов стратегий 5 стратегий не пересматривались вообще. Из оставшихся 13 стратегий только в 7 стратегиях целевые показатели приближены к национальным целям согласно Указу 2018 года, а корректировка национальных целей, последовавшая в Указе 2020 года, пока не нашла в региональных стратегиях никакого отражения.

Если оценивать реалистичность определения стратегических целей в региональных стратегиях и национальных проектах, то следует отметить, что качество определения на перспективу целевых значений ожидаемой продолжительности жизни при рождении в региональных стратегиях вполне удовлетворительное. В качестве

³² Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2024 года: закон Липецкой области от 25 декабря 2006 года № 10-ОЗ (с изменениями на 29 октября 2018 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/872606764> (дата обращения: 13.11.2020).

³³ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Орловской области до 2035 года: постановление Орловского областного Совета народных депутатов от 21 декабря 2018 года № 31/823-ОС // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550304579> (дата обращения: 13.11.2020).

примера на Рисунке 2 представлено сопоставление плановых, согласно стратегиям социально-экономического развития, и фактических, согласно данным Росстата, значений указанного индикатора на 2017 год.

При построении графика на Рисунке 2 использованы показатели в стратегиях, горизонт планирования которых установлен далее 2017 года. При этом, случаи, когда заблаговременность разработки стратегии составляла менее трех лет по отношению к 2017 году, (то есть стратегия вступала в силу не позднее 2014 года), отмечены на графике светлым маркером. Точки, лежащие выше линии равных значений, представляют собой случаи, когда фактическая ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2017 году оказалась выше планового показателя. Иными словами, регионы, «перевыполнили обязательства» по достижению целевых значений. Точки, оказавшиеся ниже линии равных значений, — недостижение стратегических целей.

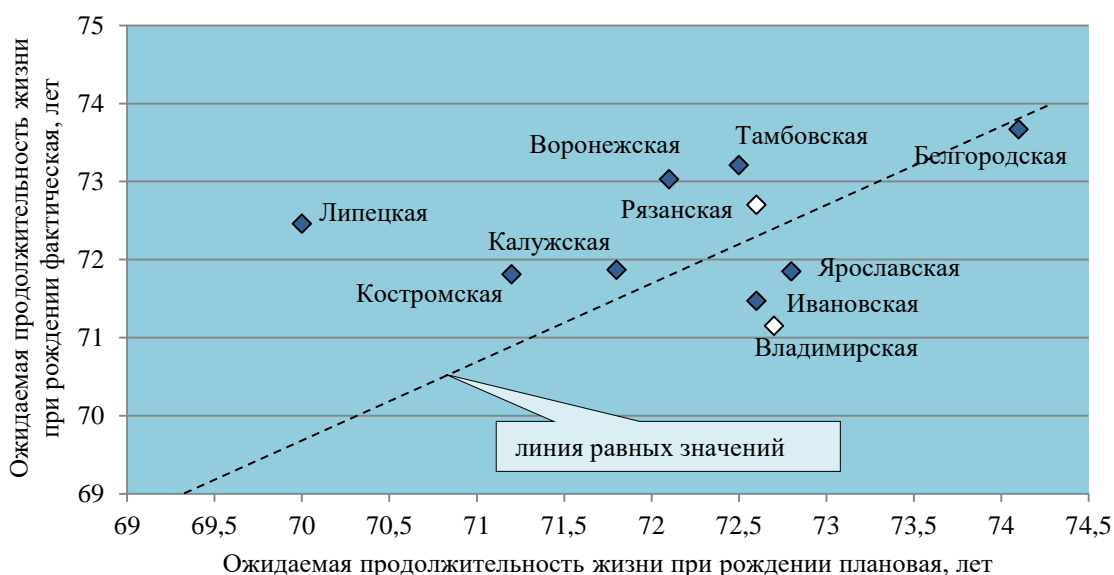

Рисунок 2. Соотношение плановых и фактических значений ожидаемой продолжительности жизни при рождении на 2017 год³⁴

Только в трех областях (Ярославской, Ивановской и Владимирской) ожидаемые показатели оказались ниже плановых более чем на 1 год. В то же время, в 70% случаев фактические значения ожидаемой продолжительности жизни при рождении оказались близки или превысили плановые, и это при том, что плановые показатели назначались в подавляющем большинстве случаев с заблаговременностью значительно больше трех лет.

³⁴ Составлено автором на основании сведений, приведенных в региональных стратегиях социально-экономического развития.

Если говорить о национальных проектах, то здесь реалистичность установления целевых показателей ожидаемой продолжительности жизни при рождении можно определить на примере целевого показателя, установленного Указом Президента № 606 2012 года, — 74 года к 2018 году. Средний по Российской Федерации фактический показатель в 2018 году составил 72,91 года, что, очевидно, свидетельствует о недостижении целевого показателя. Центральный федеральный округ, в среднем, целевого показателя достиг, но только благодаря чрезвычайно высокому, относительно других регионов, значению ожидаемой продолжительности жизни при рождении в г. Москве — 77,84 года. Менее полугода «не дотянули» до цели Белгородская и Московская области. В остальных областях округа фактические величины оказались существенно (на 1,0–2,5 года) ниже целевого значения.

Таким образом, реалистичность определения целевого показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении в региональных стратегиях, которую можно оценить в 70%, в целом выше, чем реалистичность определения в национальных проектах.

Выводы

Из трех предложенных в науке вариантов закрепления национальных проектов в системе государственного стратегического планирования полагаем целесообразным поддержать вариант, при котором национальные проекты образуют каркас целеполагания с последующим расширением и конкретизацией в основных документах стратегического планирования. В иных случаях велики риски существенной деформации существующей системы национального стратегического планирования или критического снижения роли регионального стратегического планирования. При этом амбициозность целей, ставящихся в региональных стратегиях на отдаленную перспективу, ненамного ниже, чем национальных целей, при большей реалистичности.

В настоящее время из-за отсутствия порядка согласования целей национальных проектов и региональных стратегий социально-экономического развития (как в профильном законе, так и в руководящих документах, определивших необходимость достижения национальных целей), не просматривается какая-либо последовательная реакция региональных стратегий в плане восприятия национальных целей. После вступления в силу Указа 2018 года из 18 стратегий регионов Центрального федерального округа (за исключением г. Москвы) только в 39% случаев целевые показатели приближены к национальным целям согласно этому Указу; корректировка национальных целей, последовавшая в Указе 2020 года, пока не нашла отражения ни в одной из стратегий; 5 стратегий не пересматривались вообще.

Следует поддержать мнение, высказанное в науке и экспертном сообществе о необходимости дифференциации целевых показателей ожидаемой продолжительности жизни при рождении в зависимости от особенностей региона. Целесообразно устанавливать для региона персональный целевой прирост данного показателя относительно определенного базисного уровня с таким расчетом, чтобы к 2030 году выйти на величину 78 лет в среднем по Российской Федерации.

Список литературы:

Григорьева Н.С., Демкина А.Е. Ограничения и возможности для достижения целей Национального проекта «Здравоохранение» в борьбе с сердечно-сосудистыми заболеваниями в условиях современной модели государственного устройства // Государственное управление. Электронный вестник Выпуск. 2019. № 76. С. 258–278. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10012.

Гродская Г.Н., Валяева Е.С. Государственные программы в системе стратегического планирования: механизм интеграции и реализация принципов проектного управления // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. Т. 2. № 3. С. 31–41.

Евстафьева Ю.В. Проблемы развертывания системы государственного стратегического планирования в Российской Федерации // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 75. С. 48–66. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-00003.

Елизаров В.В. Целевые показатели демографического развития России на 2024 год: поможет ли опыт недавнего прошлого в их достижении // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 211. № 3. С. 322–350.

Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Национальные проекты России: региональное измерение // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 1. С. 37–53. DOI: 10.24411/2071-6435-2019-10067.

Магомедов А.М., Камилов М.-К.Б. Национальная программа цифровизации и региональные проблемы // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2019. № 4. Т. 34. С. 61–71. DOI: [10.21779/2500-1930-2019-34-4-61-71](https://doi.org/10.21779/2500-1930-2019-34-4-61-71).

Рыбаковский О.Л., Судоплатова В.С., Таюнова О.А. Потенциал снижения смертности населения России // Социологические исследования. 2017. № 3(395). С. 29–42.

Смирнов А.В., Лыткина У.В. Демографические индикаторы и сценарии в стратегическом планировании Севера России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 5(61). С. 23–35. DOI: [10.25702/KSC.2220-802X.5.2018.61.23-35](https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.5.2018.61.23-35).

Чернова В.Ю. Барьеры достижения стратегических целей экономики: государственные программы в экономике АПК // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 1А. С. 222–232. DOI: 10.25799/AR.2019.80.1.023.

Шигильчева С.А. Реализация национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» в Чувашской республике // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2019. № 4(19). С. 75–85.

Шпакова Р.Н. Генеральные цели стратегического развития регионов Российской Федерации // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 77. С. 311–336. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10030.

Яковлева Е.А., Тутова Е.В. Региональные приоритеты реализации национальных проектов (на примере Воронежской области) // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2020. № 2(62). URL: <https://eee-region.ru/article/6210/>.

Albrechts L., Healey P., Kunzmann K.R. Strategic Spatial Planning and Regional Governance in Europe // Journal of the American Planning Association. 2003. Vol. 69. Is. 2. P. 113–129. DOI: <https://doi.org/10.1080/01944360308976301>.

Bilas V., Franc S., Bosnjak M. Determinant Factors of Life Expectancy at Birth in the European Union Countries // Collegium Antropologicum. 2014. Vol. 38. Is. 1. P. 1–9.

Isaacs K.P., Choudhury Sh. The Growing Gap in Life Expectancy by Income: Recent Evidence and Implications for the Social Security Retirement Age // Congressional Research Service. 2017. URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R44846.pdf>

Morita K., Okitasari M., Masuda H. Analysis of National and Local Governance Systems to Achieve the Sustainable Development Goals: Case Studies of Japan and Indonesia // Sustainability Science. 2019. Is. 15. P. 179–202. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11625-019-00739-z>.

Šabić D., Vujadinović S. Regional Development and Regional Policy // Zbornik radova — Geografski fakultet Univerziteta u Beogradu. 2017. № 65-1a. P. 463–477. DOI: [10.5937/zrgfub1765463V](https://doi.org/10.5937/zrgfub1765463V).

Temizel M., Göksu V. Relationship between National Development, Regional Development and Local Development // Conference: International Institute of Social and Economic Sciences: 6th International Academic Conference proceedings. Bergen, Norway, June, 23–26, 2013. P. 470–487.

Дата поступления: 29.11.2020

References:

- Albrechts L., Healey P., Kunzmann K.R. (2003) Strategic Spatial Planning and Regional Governance in Europe. *Journal of the American Planning Association*. Vol. 69. Is. 2. P. 113–129. DOI: <https://doi.org/10.1080/01944360308976301>.
- Bilas V., Franc S., Bosnjak M. (2014) Determinant Factors of Life Expectancy at Birth in the European Union Countries. *Collegium Antropologicum*. Vol. 38. Is. 1. P. 1–9.
- Chernova V.YU. (2019) Barriers to Achieving the Strategic Goals of Economic Development: Government Programs in the Agro-Industrial Complex. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. Vol. 9. Is. 1A. P. 222–232. DOI: 10.25799/AR.2019.80.1.023.
- Elizarov V.V. (2018) Targets Russia's Demographic Development, 2024: Will Recent Experience in Achieving Them? *Nauchnye trudy Vol'nogo ehkonomicheskogo obshhestva Rossii*. Vol. 211. No. 3. P. 322–350.
- Grigorieva N.S., Demkina A.E. (2019) Limitations and Opportunities for Achieving Goals of National Healthcare Project in the Fight against Cardiovascular Diseases in the Context of a Modern State Model. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 76. P. 258–278. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10012.
- Grodskaya G.N., Valyaeva E.S. (2019) State Programs in the Strategic Planning System: Integration Mechanism and Implementation of the Principles of Project Management. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishheva*. Vol. 2. No. 3. P. 31–41.
- Isaacs K.P., Choudhury Sh. (2017) The Growing Gap in Life Expectancy by Income: Recent Evidence and Implications for the Social Security Retirement Age. *Congressional Research Service*. Available: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R44846.pdf>
- Ivanov O.B., Bucwald E.M. (2019) National Projects of Russia: Regional Dimension. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*. No. 1. P. 37–53. DOI: 10.24411/2071-6435-2019-10067.
- Magomedov A.M., Kamilov M.-K.B. (2019) National Digitalization Program and Regional Problems. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshhestvennye nauki*. Vol. 34. No. 4. P. 61–71. DOI: [10.21779/2500-1930-2019-34-4-61-71](https://doi.org/10.21779/2500-1930-2019-34-4-61-71).
- Morita K., Okitasari M., Masuda H. (2019) Analysis of National and Local Governance Systems to Achieve the Sustainable Development Goals: Case Studies of Japan and Indonesia. *Sustainability Science*. Is. 15. P. 179–202. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11625-019-00739-z>.
- Rybakovsky O.L., Sudoplatova V.S., Tayunova O.A. (2017) The Potential for Reducing Mortality in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 3(395). P. 29–42.

Šabić D., Vujadinović S. (2017) Regional Development and Regional Policy. *Zbornik radova — Geografski fakultet Univerziteta u Beogradu*. No. 65-1a. P. 463–477. DOI: [10.5937/zrgfub1765463V](https://doi.org/10.5937/zrgfub1765463V).

Shigilcheva S.A. (2019) Implementation of the National Project “Labor Productivity and Employment Support” in the Chuvash Republic. *Vestnik Cheboksarskogo filiala Rossijskoj akademii narodnogo khozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federatsii*. No. 4(19). P. 75–85.

Shpakova R.N. (2019) General Targets for Strategic Development Russian Federation Regions. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 77. P. 311–336. DOI: [10.24411/2070-1381-2019-10030](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-10030).

Smirnov A.V., Lytkina U.V. (2018) Demographic Indicators and Scenarios in Strategic Planning of the Russian North. *Sever i rynek: formirovanie ehkonomicheskogo poryadka*. No. 5(61). P. 23–35. DOI: <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2019-34-4-61-71>.

Temizel M., Göksu V. (2013) Relationship between National Development, Regional Development and Local Development. *Conference: International Institute of Social and Economic Sciences: 6th International Academic Conference proceedings*. Bergen, Norway, June, 23–26, 2013. P. 470–487.

Yakovleva E.A., Titova E.V. (2020) Regional Priorities for the Implementation of National Projects (for Example, the Voronezh Region). *Regional'naya ehkonomika i upravlenie: ehlektronnyj nauchnyj zhurnal*. No. 2(62). Available: <https://eee-region.ru/article/6210/>.

Yevstafyeva Yu.V. (2019) Challenges of State Strategic Planning System Implementation in the Russian Federation. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 75. P. 48–66. DOI: [10.24411/2070-1381-2019-00003](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-00003).

Received: 29.11.2020